

АННА СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

**СМЕРТЬ
В ИЗУМРУДНЫХ
ГЛАЗАХ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Смерть в изумрудных глазах : роман /
Анна и Сергей Литвиновы. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-248010-2

Прасковья считает себя дурнушкой. Она предана мужу, обожает животных и думает, что жизнь — это только работа и дом. Но случайно знакомится с музыкантом-неудачником, и ее представления о счастье кардинально меняются ...

Журналист Дима Полуянов давно не ездил в командировки, но сейчас не мог не откликнуться и отправился в Мурманск по тревожному письму. Однако социальный очерк о проблемах в семье и школе неожиданно обернулся расследованием целой цепи жестоких преступлений. И неприметная женщина-грумер Прасковья, похоже, имеет к ним самое непосредственное отношение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-248010-2

Он любил, когда звезды и ночь.

Поселок спит, на улицах и во дворах тишина. Даже собаки не лают. Привыкли за много лет, что каждый четверг он проходит мимо. И знают: если выигрывает, всегда мурлычет себе под нос.

За преферанс компания садилась в десять вечера, пульку расписывали длинную, поэтому редко получалось возвращаться раньше двух. Воздух в это время особенно свеж и луна сияет ярче, чем тусклое уличное освещение. Идешь один, видят тебя лишь небесные светила, а в голове веселый бардак из непойманного мизера и восьми взяток на тройных распадах.

Конечно, он не обратил внимания, что за ним наблюдают. Не увидел настороженных глаз в щели забора. А когда зашипела рация, был метрах в десяти и тоже ничего не услышал.

— Прошел, — коротко сказал наблюдатель.

— Принял, — ответил его собеседник.

Ни единой машины, ни одного прохожего. В поселке принято вставать рано, да и ночных развлечений не имелось.

Он приблизился к федеральной трассе. Пешеходный светофор на ночь отключали, и, хотя фары светили совсем в отдалении, надеяться на сознательность водителя

не стал. Лучше пропустить. Мотор ревет надсадно — именно такие потом на суде оправдываются, что «не заметили человека на переходе».

Сделал шаг назад — судя по скорости, лихач и с управлением может не справиться.

Сразу вспомнилась дочка. В груди защемило.

А дальше — всплеск фар прямо в лицо. Звезды с неба посыпались, луна грохнулась, ослепила, боль совсем мимолетная — и вот он парит, парит в теплой тьме. Успел почувствовать, как сладко пахнет сиренью. А дальше все потухло.

Машина, «уазик» без номеров, резко сдала назад и продолжила сумасшедшую гонку. В домах поблизости загорались огни, хлопали двери. Люди наконец проснулись, бежали к нему. Но он их уже не видел.

* * *

Местные в сувенирный магазинчик не заглядывали, а туристы сползались после полудня, поэтому продавщица весьма удивилась, когда в девять, едва открылись, вошла девчонка. Лет десяти, бледненькая, по виду своя, мурманчанка. Выглядит прилично, но когда товары в открытом доступе, глаз спускать нельзя.

Продавщица неохотно отодвинула кофе, встала навстречу:

— Что тебя интересует?

— Где у вас шоколадки?

Разных сладостей, с ледоколом «Ленин» или видами Териберки, у них целый стеллаж. Но цены, понятное дело, на приезжих рассчитаны. А девчуле местной

зачем сувенирная продукция? Если сладкого захотелось, так в супермаркете через дорогу можно втрое дешевле купить.

Хотя с продаж процент, продавщица честно предупредила:

- У нас недешево. Может, тебе в «Пятерочку»?
- Я сама знаю, куда мне лучше, — ответила грубо. И хватает две самые большие, по тысяче.
- Эти горькие.
- А, тогда не подходит. Мне сладкие нужно.
- Тогда вот. — Показала на молочный.
- Он точно самый сладкий?
- Конечно! Видишь, всего тридцать процентов

какао.

- Беру.

Сначала схватила две плитки, секунду подумала, добавила третью.

Достала было «детскую» карточку, но потом передумала.

- Обычными деньгами заплачу.
- Тысяча двести.

Вынула пачечку аккуратно расправленных сотен и полтинников. Копилку, что ли, разбила? Впрочем, в кассе мелкие купюры всегда нужны, поэтому ворчать, что долго пересчитывать, продавщица не стала.

Девчонка бережно, будто драгоценность, положила шоколадки в портфель.

— Школьную жизнь подсластить? — улыбнулась продавщица.

- Чего?
- Ну ты ведь в школу сейчас?
- А, да.

Не попрощалась, вышла молча.

«Странная», — подумала сотрудница.

И еще больше удивилась бы, увидев, куда отправилась покупательница дальше. Пошла она не в школу, а в сквер с памятником треске. Народу там — только редкие собачники, на дворе ноябрь, короткая золотая осень давно сменилась стойким минусом, ветром и колючим снегом. Девчонка долго брела, пока не отыскала самую уединенную лавочку. Села — прямо на мокрое. Достала шоколадку. Развернула. Понюхала. Долго смотрела — будто сомневалась, есть или нет. Но потом начала глотать — огромными кусками. Почти не разжевывала, давилась, едва закончила с одной плиткой, принялась за вторую. Но совсем при этом не выглядела счастливой девчонкой, дорвавшейся до вкусняшек. Глаза испуганные, дыхание прерывистое. А едва начала третью шоколадку, смертельно побледнела. Губы шевелились — кажется, пыталась звать маму.

Но из горла вырывался только надсадный свист.

* * *

В девять тридцать прозвенел звонок перед вторым уроком. Маша неохотно спрыгнула с подоконника в коридоре: пора было идти в класс.

— Че, нету Ольки? — подбежали к ней девчонки из свиты.

Дернула плечом:

— Да не придет она. Я вам сразу сказала.

Даже те, кто не входил в ближний круг, перед заводитель Машей выслуживались. Одна из прихлебательниц доложила:

— Я классуху спросила: может, заболела? Та говорит: нет, отец не предупреждал.

— Прогуливать будет, ссыкло. Ну ничего. Все равно поймает.

Противостояние между девочками началось первого сентября.

Пятый класс, учеников зачем-то перемешали, и Оля Можеева в новом коллективе никого не знала.

Сразу после линейки отправились — по расписанию — на физкультуру. Форму в первый учебный день многие не взяли, и молодой учитель, несмотря на праздник, вlepил всем пары. А Оле — хотя та тоже без майки-шортов-кедов — поставил «пятерку». И сказал: «Это за вчера».

Маша немедленно потребовала объясниться. Можеева пробубнила:

— Мы с Богдан Михалычем в одном клубе тренируемся.

— И че вы там делаете?

— У него и спрашивай! А я перед тобой отчитываться не буду.

Ну с Машей так говорить нельзя. Схватила обидчицу за грудки:

— Ты че борзеешь, плесень?!

И тут физрук неведомо откуда подкрался, увидел, зарорал:

— Глушенко! Это что такое?!

Отодрал от Оли, поволок к директору. За вызов родителей в школу в первый учебный день Маше хорошо прилетело, так что участь Можеевой была решена. Маша с тех пор всячески старалась испортить тихоне жизнь. И в буквальном смысле — дать

пинка, ушипнуть. Ну и атмосферой, понятно, давила. Маша — тоже спортсменка, с семи лет ходила на дзюдо, ее и мальчишки побаивались, а девчонки — дружно прислуживали. А тут какая-то мышь серая с ней конкурировать взялась.

Еще и Богдан Михайлович масла в огонь подливал. На физкультуре (ни та ни другая больше форму не забывали) вечно девочек стравливал. И нет бы спарринг устроить — тут бы Оля с первого удара кокнулась. А он то их на стометровку вдвоем, то на бег с барьерами. И Можаяева всегда Машу уделывала. Даже отжаться смогла на четыре раза больше.

А потом удивлялась: откуда у нее в волосах резинка жевательная и почему в «сменке» то яйцо тухлое, то саморез под стелькой?

Нос краснел, слезы текли. Но не жаловалась. Никогда не жаловалась. И это Машу бесило еще больше.

Наверно, совсем бы сжила Можаяеву со свету, да та оказалась не промах. В конце сентября задружилась с Тимохой из шестого «Б». И зацепила школьного красавчика крепко. Тот ее на всех переменках возле класса поджидал, после школы провожал до дома.

Тимоха — второгодник, ему целых тринадцать. Считался неблагополучным — не просто на внутришкольном, а в детской комнате милиции на учете состоял, и чего ему до этой Оли никакущей — совсем непонятно. Но Маше сказал:

— Можаяеву не тронь. А то со мной будешь дело иметь.

Пришлось затаиться. По мелочи, если получалось, Глушенко ненавистной Оле чужими руками гадила.

Раньше Тимоха половину уроков прогуливал, но теперь дисциплинированно появлялся каждый день. Вместе с Можаяевой.

А в последний понедельник октября не пришел. И по школе поползли слухи, будто в больнице. В реанимации. Сверзился откуда-то с большой высоты.

Оля сидела на уроках заплаканная, а когда стали про ее друга расспрашивать, отрезала:

— Ничего не скажу.

В тот же день их всех собрали в актовом зале. Директор на сцене восседала чернее тучи, а социальный педагог долго распиналась, что, если тяжело, надо к ней за помощью-советом идти, а не искать утешения в интернете или в сомнительном экстриме.

Маша подняла руку, впрямую спросила:

— Так что с Тимохой-то стряслось?

Но толком ответа не получила, поняла одно: лечиться тот будет долго и, может быть, вовсе останется инвалидом.

А раз долго — защиты у Олечки больше нет.

В тот же день (грязный, дождливый) подкараулила в раздевалке, велела кроссовки ей чистить.

— Да пошла ты! — психанула Можаяева.

Ну и мигом получила — джеб и апперкот. В живот, чтоб следов не осталось.

Повалилась на пол, а Маша пообещала: «Завтра добавлю».

Забегала за угол, наблюдала: будет ли реветь? Или наконец пойдет жаловаться?

Нет. Встала на четвереньки. Потом поднялась. Молча покинула школу.

И сегодня на уроки не пришла.

* * *

Говорят, когда жизнь заканчивается, ничего увидеть не успеваешь. Только картинки из раннего детства, а потом сразу ангелы. Ну или черти, или вообще ничего — кто во что верит.

А Тима успел углядеть: отчаянное Олино лицо.

И пока падал, получилось за считанные доли секунды подумать: зачем он ввязался во все это? Как мог подругу подвести?

Ударившись о землю, сразу унесся куда-то в черный мрак. Рот словно клеем залит, но он все равно старался, шептал:

— Прости! Прости меня!

И вроде сквозь черноту и холод слезы ее пробивались, капали кипятком на лицо.

Пропадет она без него.

А винить, кроме себя, некого.

* * *

Дима Полуянов успел застать времена, когда письма в редакцию приходили рукописные. Почта и сейчас изредка бумажные весточки подкидывала, но самое свежее и горячее в электронной ящик падало.

К Полуянову обращались часто и большей частью по ерунде, но всю корреспонденцию он по-прежнему просматривал лично. Давно научился максимум по двум первым абзацам составлять впечатление. А примерно одно из ста посланий дочитывал до конца.

Сегодня *золотая рыбка* оказалась под номером семьдесят четыре. Автор, судя по нику (Killedbycarrot¹), из поколения зумеров. Когда увидел, сколько в письме эмодзи (в основном слезок и «я в шоке»), предположил: девочка.

Содержание (нечасто бывает) захватило с первой строчки:

У нас в классе вчера девчонка с собой покончила. Способ выбрала ужасный. У нее диабет, совсем нельзя было сладкое, а она инсулин с утра колоть не стала, вместо этого купила и съела три огромные шоколадки и потом умерла от какого-то там шока.

Полуянов мигом соотнес послание со вчерашней лентой криминальных новостей. Неужели то самое? Трагедия с пятиклассницей из Мурманска?

В школе сейчас полный шухер, типа «Синий кит» снова возродился. Это потому, что Оля дружила с одним типом из шестого «Б», Тимой Квасовым, а тот вроде как разные задания из интернета выполнял. И у них было задумано: сначала он суициднется, а Оля на следующий день. Но я не верю в это. Тима сейчас в больнице. А у нас у всех телефоны отобрали, сказали, что вернут только после того, как дома родительский контроль поставят. Но «Синий кит» точно ни при чем, потому что Олю по факту довела Машка Глушенко. Она ее с первого сентября чморила, а Тимоха защищать стал. А позавчера он в школу не пришел и Машка Олю жестко отметелила. И пообещала, что дальше будет только хуже. Но никто

¹ Убитый (-ая) морковкой (англ.).

про это не знает: девчонки, которые с Машкой водились, молчат — и все остальные тоже. А сама Машка хвастается, что, даже если узнают, ей все равно ничего не будет, потому что она маленькая. Приезжайте, пожалуйста, мне очень жаль Олю, а Машка проклятая гадина.

Полуянов задумался.

Тяжелая, безусловно, тема. И раскрывать будет сложно. Убитые горем родители общаться с ним вряд ли станут, да и он не зверь терзать в подобной ситуации вопросами. В школе — особенно если «проклятая гадина» действительно существует — приложат все силы, чтобы не выносить сор из избы. Все валить будут на «Синий кит», тут Олина одноклассница права.

Но способна ли эта (или иная, сменившая «кита» структура) спровоцировать ребенка на страшный поступок?

Диме очень хотелось выяснить.

Да и тема — точно вне политики. Для него это было принципиально.

И — вне криминала (крайне важно для Нади).

Ну и в Мурманске побывать интересно: никогда прежде туда не заносило.

А последний аргумент — находился наконец официальный повод из дома сбежать.

Два месяца назад Полуянов стал отцом.

Беременность у Надюшки распределилась на два диаметрально противоположных отрезка. Первый триместр прошел спокойно и даже благостно. Но дальше случилась беда. Митрофанова попала в больницу с отравлением хлороформом. И сколько ни повторяй, что виной всему ее собственное лег-

комыслие, — трагедия получилась не личная, а *семейная*¹.

Поначалу вердикт врачи вынесли неумолимый: беременность необходимо прервать. Хлороформ — исключительный яд и может вызвать у ребенка непоправимые уродства.

Однако ключевое слово здесь *может*. Исследований на людях, понятное дело, не проводилось, а мышкам иногда везло и потомство у них рождалось здоровое.

И Митрофанова решительно заявила:

— Я буду рожать.

— Надечка, — голос Димы задрожал, — да стоит ли рисковать? Ведь может родиться бог знает что!

— Все равно. Я буду рожать, чего бы мне это ни стоило.

— Да Надечка! Ну перестань. Давай прервем беременность. От греха.

— Ты что, не понимаешь?! — Надин голос сорвался на крик. В глазах заблестели злые слезы. — Мне сколько лет — забыл?! Сорок с хвостиком! Я столько лет ждала, когда ты мне соизволишь ребеночка заделать! Может, это мой последний шанс! Самый последний! И я вот так, на полпути? В кусты? Уйду? Отступлюсь?

— Надя, — Дима и сам чуть не плакал, — да ведь опасно же! Для всех! И для тебя, и для ребенка.

— Ничего. Я каждую неделю буду УЗИ делать. И если вдруг врачи скажут, что есть опасность, пойду на аборт.

¹ См. об этом: А. и С. Литвиновы, «Красивая женщина умирает дважды».

Глядя на то, какая непоколебимая решимость блистала в Надиных глазах, Дима понял, что спорить с ней бесполезно.

Кордоцентез (анализ пуповинной крови ребенка) никаких аномалий не показал, но радоваться было нечему. В их ситуации результат говорил лишь о том, что изначально был зачат здоровый малыш.

Оставалось надеяться: патологии смогут выявить на УЗИ. Их — самого разного уровня, вплоть до максимально экспертных — Наде за беременность делали раз пятнадцать. Перед каждым исследованием она впадала в страшнейшую панику, накануне до утра не могла уснуть, рыдала.

А когда на следующий день говорили, что все в порядке, снова горько плакала. Но не от счастья, а потому что врачи всегда предупреждали: серьезное отклонение они *могут* увидеть в следующий раз.

Да и метод, к сожалению, не всесилен. Слепоту, глухоту и умственную отсталость по УЗИ определить невозможно.

Поэтому к дате родов оба были на взводе. Надька даже объявила, что сходила к нотариусу и составила завешание.

— Господи, зачем? — возмутился Дима.

А она серьезно ответила:

— Если я твоего сына погубила, жить мне незачем.

И как ее вразумлять? Психологов не переносила на дух, от успокоительных, даже валерьянки, тоже отказывалась категорически: «Я и так малыша отравила, больше не буду!»

Полуянов и понимал умом, что надо постоянно успокаивать, заверять, что все хорошо будет, но не железный ведь! Был грех: орал. Срывался.

И на родах, как сейчас модно и принято, присутствовать отказался категорически.

А к моменту, когда малыш явился на свет, — еле шевелил языком. Он-то не беременный! И без коньяка эти двенадцать неопределенных и страшных часов вынести бы не смог.

Сын оказался здоров.

52 сантиметра, 3700.

По шкале Апгар 8/9 (шикарный результат для далеко не юной матери).

Митрофанова продолжала трепыхаться, что у сына могут сейчас найти аномалии. Но Полуянов, едва взглянув в голубые и почему-то уже наглые глаза младенца, мгновенно понял: нормальный парень.

Единственная проблема обнаружилась еще в роддоме: пацан у них получился удивительно крикливым. Причем по децибелам, как утверждали медсестрички, намного опережал всех прочих новорожденных. И повода поорать не искал. Раскричаться мог и сытым, и в чистом подгузнике. Ну а если медики распеленывали, чтоб осмотреть, или — совсем кошмар — делали прививку БЦЖ, то впору было даже привычным бежать за берушами.

У Надьки, понятное дело, новый повод для беспокойства: выписку врачи задержали до выяснения причин. Подвергали младенца все новым и новым обследованиям, но в итоге вынесли вердикт: медицинских оснований для крика не имеется.

— Характер такой. Скандалисты, видать, у кого-то из вас были в роду, — сказал им старичок профессор.

И теперь юный скандалист Игнат надрывался в их квартире.

В первый день после выписки Надя с Димой жестоко поссорились. Он честно выждал, пока она сына покормит. Поменяет подгузник. Даст укропной воды. Двадцать минут покачает на руках.

Потом сказал:

— Теперь клади в кровать — и по доктору Споку. Пусть вопит, пока самому не надоест.

Она взвилась:

— Как ты можешь?! Ему будет одиноко! Страшно!

Продолжала носить на руках. Игнат не унимался. Соседи (никакого уважения к новорожденному) взялись стучать по батарее. Дима ушел в другую комнату, надел наушники, поставил максимальную громкость — однако не помогло.

Через час к нему на диван пришла изможденная Надя.

Игнат продолжал орать в кроватке — теперь один.

У Митрофановой глаза на мокром месте, губы кусает. Дима открыл Спока, начал читать: «Когда ребенку время спать, вы можете сказать ему с улыбкой, но твердо, что ему пора спать. Сказав это, уходите, даже если он несколько минут покричит».

Несколько минут растянулись на десять. Потом на пятнадцать. На шестнадцатой Полуянов не выдержал сам. Ворвался в детскую, схватил Игната на руки, заорал:

— Ты когда-нибудь замолчишь?

— Ди-и-има! — возмущенно вздохнула Надя.

Младенец от грозного рыка вздрогнул.

А потом зевнул — и умолк.

— Вот и договорились, — усмехнулся отец.

Впрочем, приучить малыша засыпать одного в кроватке так и не смогли. Митрофанова начиталась антагонистов доктора Спока — неких Сирсов — и теперь утверждала: у них не наглый крикун, а ребенок «с повышенными потребностями». Поэтому — хоть Полуянов и возражал — таскала Игнату на руках часами. В ущерб собственному сну. Ну и все прочие мамские инстинкты проявляла в максимальной степени. Крайне тщательно стерилизовала бутылочки для воды. Наглаживала пеленки. Уже в месяц купила Игнату первую книгу — на пластиковых страницах, с огромными картинками. С серьезным лицом младенцу объясняла: «Видишь? Это собачка!»

Полуянов от филиала дурдома в собственной квартире устал изрядно, так что с удовольствием наврал: удаленная работа у них в редакции теперь под запретом. И ездил в офис, словно на праздник.

А тут замаячил куда более радикальный вариант.

Мурманск, порт (моря-океаны Дима с детства обо-
жал). Прозрачный северный воздух. Рыбка вкусная.

Отправился к главному. Скупыми мазками обрисовал тему.

Тот поначалу скривился:

— Самоубийство? Да еще школьница? Не ложится в нынешнюю повестку. У нас установка — народ не травмировать. Съезди лучше в Краснодар, там проект интересный. Семь свалок рекультивируют. На их месте парки будут строить.

— А где здесь интрига? — парировал Дима. — Да и вы сами знаете: благодные очерки — не мой уровень. А тут хоть есть в чем покопаться. В письме речь о том, что одноклассница довела. У школы, как я понял, другая версия: «Синий кит» вернулся, у детей телефоны отобрали, дома к компьютерам не подпускают.

Главнюга внимательно посмотрел на журналиста и вдруг спросил:

— Ты когда высыпался в последний раз?

— Не помню, — честно ответил Дима.

— Ладно, Полуянов. Пусть будет Мурманск. Слова только тщательно подбирай — чтобы никакой кровищи, описаний жестокости, жутких подробностей. Я лично редактировать буду.

* * *

Прежде Надюшка решения мужа принимала безоговорочно (за то и ценил). Однако новый статус мамы ее характер испортил. Едва услышала про командировку, кинулась к компьютеру. Искать закон, согласно которому молодых отцов из семьи отсылать запрещено.

Дима хладнокровно парировал:

— Если ты про статью 259 Трудового кодекса, то она только матерей касается. А меня — отца — куда угодно могут отправить. И даже в армию призвать.

— А чисто по-человечески? — взглянула с убитым видом. — Как я одна с Игнатом справлюсь?

Полуянов — во сколько бы ни пришел после работы домой — обычно Надюхе давал час-другой отдыха. И ночами к младенцу вставал. Впрочем, толку от это-

го было мало, соска или бутылочка с водой сына не успокаивали, так что Митрофанова все равно в итоге поднималась сама, шла кормить.

— Так я тебе помощницу нашел! — улыбнулся лучезарно.

...Надину подругу Люсю — по чьей вине его любимая едва не погибла, а ребенок мог родиться больным — Дима не переносил на дух. Давно озвучил: в этом вопросе в семье патриархат — и если горе-мотоциклистка только появится на пороге, он лично ее спустит с лестницы. Однако у Люси имелась мама, и на ту, в отличие от непутевой дочери, положиться было можно. Женщина давно на пенсии, предложение подработать приняла с восторгом. С младенцами, как заверила, обращаться умела. Да и Наде благоволила.

— Будет приходить к тебе — на вечер, на полдня, на сколько скажешь! — разливался Полуянов.

Удалось супругу умаслить — от компьютера отошла, улыбнулась. А Дима продолжал нажимать:

— Я дней на пять максимум! И ты от меня отдохнешь, только представь: вся кровать в твоём распоряжении и никакого храпа! А я из Мурманска кучу вкуснятины навезу. Крабов. Трески соленой. Икры. Настойку на морских ежах — говорят, уникальное средство!

— Спиртовая настойка?

— Ну да. Как все лекарства.

— Главное, сам с ней не переусердствуй.

— Нет, она исключительно лечебная. А в плане выпить — там есть более интересные варианты. На моршке, к примеру, — сказал опрометчиво.

— Понятно. — Снова нахмурилась. — Едешь пить-гулять.

— Гулять точно вряд ли. Тема сложная. С ресторанами не коррелируется.

Рассказал Наде в двух словах.

Она побледнела, сразу Игната прижала к себе покрепче:

— Боже мой! Пятый класс. Это сколько девочке было лет?

— Одиннадцать.

Полуянов ждал: скажет сейчас, что лучше бы он на своих «добрых новостях» сидеть продолжал. Однако Митрофанова отрезала:

— Тогда езжай. Обязательно нужно выяснить правду. И вырвать жабры — тому, кто ее довел.

Дима хотел выразить удивление: обычно Надюшка в подобном тоне не выражалась. Но взглянул в ее решительное лицо и пообещал:

— Обязательно.

* * *

Оксана Юрьевна тоскливо посмотрела в окно и в который раз мысленно прокляла свою работу. Мало того что должность социального педагога оплачивалась по ставке чуть выше уборщицы, — еще и вечно приходилось на острие балансировать.

Детей в школе — больше тысячи. И каждый — хоть самый милый, благовоспитанный отличник — минимум однажды за время учебы да влипнет в *историю*. А добрая треть ее подопечных проблемы доставляла постоянно. Конфликтовали, дрались, притаскивали